

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Семь лет прошло с той поры, когда мы навсегда покинули свою военную базу в Кабуле, начав движение на север, к границе Союза. Множество чувств захлестнуло сердце: и радость от близкой встречи с Родиной, и вина перед погибшими друзьями, которых навсегда оставляли здесь одних.

Наша воздушно-десантная дивизия возвращалась домой. Возвращалась после боев, рейдов и переходов по горячим пескам и заснеженным горным перевалам, гордясь своими парнями и теряя их...

Последний боевой поход, как и все другие, не был легким. В пургу, когда видимость меньше десяти метров, мы преодолевали заснеженный Саланг. Сходящие с гор лавины засыпали дорогу, а вместе с ней – машины с людьми, и солдаты бросались в бой с непогодой, вызволяя из снежного плена своих боевых друзей. К сожалению, и здесь не обошлось без потерь...

Пройдя перевал, мы блокировали «дорогу жизни» (так называли дорогу Кабул – Хайратон) на обширном участке и более месяца пропускали идущие на Родину колонны. Было в этой привычной полевой жизни всякое: и ежедневные проверки полотна дороги и мостов, и наблюдение за горами, и душманские обстрелы. Перед возвращением в Союз мы часто слушали по радио, как восторженно встречают на границе наших ребят. То и дело передавались репортажи с участием тогдашнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Мироненко, партийных и государственных деятелей. Пели Кобзон, Розенбаум и другие артисты. Тут же, прямо с брони, солдаты бесплатно отправляли домой телеграммы.

12 февраля настал и наш черед. Пересекаем границу. Слезы наворачиваются от мысли, что войне конец, что не надо больше с опаской смотреть по сторонам и остерегаться душманских мин, падать наземь при случайном треске или окапываться на стоянках...

Это, пожалуй, была единственная радость от встречи с Родиной. Проскочив без остановки скопления людей – тех, кто приехал встретить своих близких, – мы долго пылили по степи, пока не прибыли в какой-то лагерь километрах в двадцати от Термеза – забытый Богом и людьми уголок где-то на краю цивилизации. Здесь, правда, стояли палатки, были в них нары, матрацы. Услышав, что где-то поблизости есть офицерская столовая, мы отправились туда поужинать. С трудом прожевали холодную перловую кашу и запили ее холодной водой с сахаром. А ведь все – и солдаты, и офицеры – уже несколько дней не ели горячей пищи... Скоро началось увольнение солдат, которые отслужили по 2,5 года, т.к. указом Министра обороны их служба продлевалась до конца вывода войск. Причем «на гражданку» отправляли в том рванье, в котором мы были в Афгане. По этой причине половина «дембелей» отказались увольняться из Термеза, а поехали к месту постоянной дислокации – в Белоруссию, чтобы здесь раздобыть какую-нибудь военную форму и приехать домой не оборванцем. Ну а тем, кто изъявил желание уволиться «сию минуту», немедленно выдали документы и отпустили на все четыре стороны. И пошли они «по этапу» пешком, в надежде выйти к какому-либо жилищу и доехать до ближайшей станции... Кстати

сказать, ребята, переслужившие полгода, за этот период наград не получили, т.к. командование не позаботилось представить достойных к боевым наградам.

Мы солдаты, и никто не роптал – ведь это мелочь по сравнению с тем, что было на войне. Но был еще один славный день – 15 февраля, когда на советско-афганской границе появилось много корреспондентов. И здесь не обошлось без показухи – теперь уже со стороны самого командующего 40-й армией генерала Бориса Громова. Вот он – молодой генерал, усталый, виски тронуты сединой – с достоинством идет по мосту и произносит эффектную фразу: «За моей спиной нет ни одного советского солдата». Услышав это, мне хотелось кричать: «Как это нет?! А сотни пропавших без вести?! А наши военнопленные?! Как вы могли поставить на них крест?!»

– Что, Борис Всеволодович, – сказал бы я ему, – опять действуем по старым законам: все военнопленные – предатели? Или не по вашей вине в армии создалась обстановка вседозволенности? Или не гибли, не попадали в плен наши солдаты и офицеры из-за «шалостей» начальников разного ранга? На их крови зарабатывавших свои «звезды»? Да только не нужен мне ваш ответ, товарищ генерал. Я, слава Богу, пришел с войны живой. Только кто ответит семьям тех, кто уже никогда не вернется?

В. Белоус